

Ли Жун отхлебнул кофе и слегка прислонился к стене. Он выглядел до того непринуждённо, словно заглянул в картинную галерею, а не в палату к умирающему врагу.

— Судя по всему, господин Чжэн меня узнал, — с напускным любопытством произнёс он. — Моё появление стало для вас сюрпризом?

«Похож. Как же он похож...»

Чжэн Чжупань едва не задохнулся. Как он мог раньше не разглядеть в этом лице знакомые черты? Его дыхание стало тяжёлым и хриплым, а воспалённые глаза, казалось, вот-вот выкатятся из орбит, пока он яростно сверлил Ли Жуну взглядом.

Видя Ли Жуну и Чжай Нин плечом к плечу, магнат, каким бы заносчивым он ни был, наконец начал осознавать масштаб катастрофы. В памяти всплыл тот злосчастный ужин, и каждое слово, каждый жест юноши теперь отзывались в его душе ледяной дрожью.

Ли Жун с самого начала знал, кто стоит за травлей его родителей. И всё же он спокойно сидел с ним за одним столом, поддерживал светскую беседу, улыбался и шутил. Он смотрел на Чжай Нин как на незнакомку, ничем не выдав их связи. Староста с пугающей лёгкостью внедрился в ближний круг «Сухэ», собрал всё, что ему было нужно, и так же легко исчез.

Глава «Сухэ» был хитрым и расчётливым человеком. За то время, что он провёл на больничной койке, он, приходя в сознание, раз за разом прокручивал события последних недель в голове. Он никак не мог взять в толк, почему мелкая дрязга в шоу-бизнесе разрослась до таких масштабов, почему общественное мнение вышло из-под контроля, и почему каждый день в этой истории всплывали новые люди, готовые столкнуть его компанию в бездну.

Сейчас, глядя на Ли Жуну, он всё понял.

С самого первого шага это была ловушка.

Линь Цинь, тот самый паренёк, что первым заговорил о «Сухэ» и которого Чжэн Чжупань хотел затащить на ужин в качестве эскорта — Ли Жун сам вызвался заменить его.

Никому не известный Цзян Цзуй, написавший свою «исповедь» как раз в тот момент, когда чаша весов начала склоняться в пользу компании — он ведь тоже напрямую общался со старостой. В его тексте не было ни слова о Чжай Нин, хотя именно она когда-то опрокинула на него бокал вина.

Хэ Даюн, устроивший тот душераздирающий сеанс саморазоблачения — почему он сдался властям именно тогда, когда уже мог уйти на покой? И почему в его признаниях имя Чжай

Нин снова чудесным образом испарилось? Он вспомнил слухи о том, что когда Цэнь Сяо из Девятого района навещался в Фармацевтическую компанию «Мэйцзян», с ним был какой-то очень способный помощник.

У Чжэн Чжупаня было множество способов узнать, кто этот таинственный «друг», но из-за собственного пренебрежения к Хэ Даюну он проглядел опасность.

Он проглядел и то выражение почти физического отвращения, что промелькнуло на лице Чжай Нин, когда он заговорил о разработке «Суиньской».

И вот теперь Чжай Нин стояла рядом с Ли Жуном, взирая на поверженного магната с нескрываемым презрением. Она больше не собиралась притворяться.

Чжэн Чжупань даже не догадывался, когда именно она переметнулась на сторону врага и стала тем самым клинком, что вонзился ему в спину. Неудивительно, что противник знал каждый его шаг и был осведомлён о старых планах против «Люйиньской». Ведь пытаясь переманить Чжай Нин на свою сторону, он был с ней предельно откровенен.

И женщина его предала.

Ярость душила его, но страх был сильнее. Чжай Нин была непосредственной участницей тех событий двухлетней давности, именно поэтому он доверял ей безраздельно. Но юноше удалось переманить её на свою сторону. Как? Как он смог это сделать?

Он всегда знал, что у Ли Цинли и Гу Нун остался сын. Он не был дураком и понимал важность искоренения сорняков, но опыт подсказывал ему: вчерашний школьник, потерявший всё и оставшийся в неведении, не может представлять угрозы. Даже если он не сойдёт с ума от горя, он просто исчезнет в толпе. Чжэн Чжупань не чувствовал жалости — он чувствовал лишь пренебрежение.

Но как всё пришло к этому дню?

Перед ним стоял всё тот же юноша со старых снимков — нежная кожа, на которой не было ни единой морщинки, и взгляд, в своей чистоте и невинности казавшийся совершенно чуждым любым интригам.

И этот человек, обладая пугающей выдержкой и глубиной ума, неспешно и методично планировал крах Биотехнологической компании «Сухэ». Меньше чем за два года он сумел перевернуть игру, восстав из пепла. Казалось, мститель даже не тратил времени на отчаяние: с того самого момента, как случилась трагедия, он готовился к мести.

Это было невыносимо — словно тебя преследует злой дух, пришедший за твоей душой.

— Ты... дьявол! Ты — сущий дьявол! Псих! Тварь! — Чжэн Чжупань процедил слова сквозь зубы, его шея мгновенно налилась багровым цветом.

Он понимал, что в его состоянии гнев смертельно опасен, но не мог сдержаться. На его глазах рушилась империя, которую он строил годами. Он осознавал, что теряет всё, и виной тому был этот мальчишка, едва перешагнувший порог совершеннолетия.

Юноша довольно улыбнулся. Оторвавшись от стены, он сделал несколько шагов к кровати и неторопливо произнёс:

— Вы так разгневаны? Что ж, это справедливо. Вам есть из-за чего злиться, ведь всё это богатство и слава, которые вы украли два года назад, вот-вот обратятся в ничто.

Ли Жун сделал паузу, любясь мучениями врага.

— Вы могли бы не терять так много. Даже если бы «Люйиньской» вышел на рынок, вы могли бы прекрасно жить за счёт других разработок «Сухэ». Но теперь всё иначе. Вы не просто уничтожили компанию, которую создали своими руками. Вы растоптали доброе имя «Цзякэтина» и обесценили всю ту благотворительность, которой прикрывали свою гнилую натуру. Теперь вам предстоит предстать перед судом и до конца своих дней нести бремя позора.

Голос старосты стал вкрадчивым:

— «Сухэ Био» на самом деле принадлежит не только вам, но сейчас это никого не волнует. Гнев обманутых людей обрушится на всю компанию. Отныне ни одна больница, ни один врач или поставщик не захотят иметь с вами дела. Никто не пожелает пачкать руки и рисковать репутацией — фармацевтических гигантов много, незаменимых нет. Оставшись без контрактов и ресурсов, «Сухэ» неминуемо обанкротится.

— Малая искра сжигает целый лес. Уверен, скоро само название Биотехнологической компании «Сухэ» исчезнет из памяти людей. И в этот самый момент ваши подчинённые и партнёры будут ненавидеть вас, проклинать и винить во всех бедах. Насладитесь этим сполна — одиночеством, предательством и ледяным безразличием тех, кого вы считали своими.

— Мир удивителен, господин Чжэн. До самого последнего момента никто не знает, кто выйдет победителем. Вчера вы были на вершине и вершили судьбы, а сегодня ваше место уже остыло. Вы лежите на этой койке, пропахшей антисептиками, и задыхаетесь, не в силах выпросить даже глотка воды. Вы понимаете, что я разрушил вашу жизнь, но всё, что вам остаётся — это бессильно лаять на меня. Вы совершенно меня не знали. Вы не смогли найти ни одной моей слабости. Ваше высокомерие и самоуверенность ослепили вас. Вы не могли победить меня по одной простой причине: я не только умнее вас, я куда беспощаднее.

— Так что постарайтесь выжить. Та жестокая реальность, с которой вам только предстоит

столкнуться — это лишь малая часть того, через что прошёл я. Добро пожаловать в настоящий мир, господин Чжэн.

С каждым его словом из горла Чжэн Чжупаня вырывался хриплый, почти звериный рык. Он отчаянно пытался приподняться на кровати, но слабость сковывала тело. Сердце сжималось от неистовой ярости, а когда его ноги коснулись пола, перед глазами всё поплыло от нехватки кислорода.

Колени подогнулись, и он мешком рухнул на пол. Его грузное тело с глухим стуком ударилось о мрамор, отчего в палате, казалось, мелко вздрогнула мебель. Раздался тошнотворный хруст костей.

Чжэн Чжупань завыл от боли, на его губах выступила кровавая пена.

— Ли Жун! Ли Жун! Ты за это ответишь! Ты ещё увидишь! — вопил он, захлёбываясь ненавистью.

Ли Жун смотрел на кучу плоти, копошащуюся у его ног, и взгляд его был холодным как лёд. На мгновение ему захотелось прикончить врага прямо здесь — вонзить сталь в это жирное тело и смотреть, как жизнь уходит вместе с криками боли. Но он быстро отогнал эту мысль. Смерть была бы слишком лёгким избавлением. Чтобы по-настоящему утолить свою жажду, он должен был видеть, как Чжэн Чжупань мучается каждую секунду своей никчёмной жизни.

Он должен был уничтожить всё, что было дорого этому человеку, чтобы сам процесс дыхания стал для него пыткой.

Он склонился над распростёртым телом и, едва заметно улыбнувшись, произнёс:

— Я не вы. Я не оставляю вам ни единого шанса на спасение. Ваши конкуренты оказались на удивление заботливыми — они даже разыскали доказательства того, что ваша супруга когда-то нанимала киллера. Если я не ошибаюсь, её самолёт как раз приземлился. Она едет в больницу, чтобы навестить вас... Как трогательно — вы наконец воссоединитесь. Вашему сыну сейчас всего полтора года. Пройдёт время, и вряд ли он вообще вспомнит, кем был его отец.

— Я убью тебя! Убью! — Чжэн Чжупань брызгал кровью, его пальцы впились в лодыжку Ли Жуна, словно он пытался выместить всю свою боль через эту хватку.

Но он был слишком слаб. Ли Жун даже не вздрогнул.

Чжай Нин тихо произнесла:

— Ли Жун, мне пора звать реаниматологов. Я всё-таки врач.

Юноша понимающе кивнул. Он высвободил ногу и без тени сомнения пнул Чжэн Чжупаня, опрокинув его на пол. Поправив брючину, он буднично добавил:

— Ах да, господин Чжэн. Комиссия по ценным бумагам только что отклонила заявку Биотехнологической компании «Сухэ» на листинг. Не знаю, успел ли кто-то сообщить вам эту «радостную» новость. Наша встреча доставила мне истинное удовольствие. Надеюсь, вам тоже.

С этими словами он развернулся и вышел из палаты, не оборачиваясь. Эспрессо в его стакане окончательно остыл. Проходя мимо урны, Ли Жун небрежным жестом отправил стакан в мусор.

Чжай Нин взглянула на пациента и нажала кнопку экстренного вызова. Пока врачи и медсёстры ещё не прибежали на зов, она негромко сказала:

— Скоро я выпущу официальное заявление. Я верну доброе имя «Люйиньсюй» и предам огласке все ваши преступления. Я никогда не была такой, как вы. Рано или поздно это должно было случиться.

В палату ворвался медицинский персонал. Врачи подхватили почти потерявшего сознание Чжэн Чжупаня и перенесли его на кровать, приступая к экстренным манипуляциям. Чжай Нин молча отступила в сторону. Она стояла в дверях, засунув руки в карманы халата, и безучастно наблюдала за этой сценой.

На самом деле, она не договорила.

Она не была похожа на Чжэн Чжупаня, но она не была похожа и на Ли Жуна.

Методы старосты и его пугающая расчётливость часто вызывали у неё внутренний протест. В её идеальном мире справедливость должна была торжествовать открыто и благородно, а не через закулисные игры и холодный расчёт. Но она понимала и другое: без хитрости Ли Жуна её «идеальная справедливость», скорее всего, никогда бы не наступила.

Она не имела права требовать чего-то от жертвы. Всё, что он сделал, было оправдано.

Чжай Нин вышла из палаты. Чжоу Хун, причитая так, словно хоронил родного отца, бросился внутрь.

Когда она нашла Ли Жуна и Цэнь Сяо, те стояли в стеклянном переходе. Юноша, облокотившись на перила, с интересом разглядывал поток машин внизу. Цэнь Сяо смотрел на него с бесконечным обожанием и нежностью.

— Выпустил пар? — тихо спросил он.

Ли Жун поднял на него ясные глаза и задумался:

— Вроде того. Чжай Нин испугалась, что я доведу его до удара прямо на месте.

Чжай Нин, как-никак, была директором этой больницы, и мысль о том, что она оказалась лишь пешкой в чужой игре, всё же немного задевала её самолюбие. Она подошла к ним и, деланно откашлявшись, произнесла:

— Ли Жун только что выпил целый стакан эспрессо. Кофеин раздражает слизистую желудка и может вызвать обострение. Прошу родственников принять к сведению.

Оставив их с этим заявлением, она с самым серьёзным видом удалилась.

Ли Жун лишь растерянно моргнул.

Цэнь Сяо прищурился и, издав недвусмысленное «хм», несильно шлёпнул Ли Жуна по мягкому месту.

— Значит, совсем от рук отбился, да?

Ли Жун почувствовал, что этот шлепок был куда ощутимее, чем попытки Чжэн Чжупаня схватить его за ногу. Он с изумлением посмотрел вслед удаляющейся Чжай Нин, не зная, смеяться ему или возмущаться:

— Я же только глоток сделал... Надо же, целый директор, а наябедничала на бедного студента.

<http://bllate.org/book/15351/1572679>